

УДК 39:649(049.32)

DOI: 10.28995/2658-5294-2019-3-143-148

Рецензия на кн.:
*Шишелов Н. Рыболовная культура
атапасков Арктического бассейна (XVIII–XXI вв.).*
М.: Издательские решения, 2018. 110 с.

Эста Г. Матвеева

*Московская высшая школа социальных и экономических наук,
Москва, Россия, budurik@inbox.ru*

Для цитирования: Матвеева Э.Г. [Рец.]: Шишелов Н. Рыболовная культура атапасков Арктического бассейна (XVIII–XXI вв.). М.: Издательские решения, 2018. 110 с. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 3. С. 143–148. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-3-143-148

A review of:
Shishelov, N. (2018), *Fishing culture
of atapask of the Arctic basin (18th – 21st c.)*,
Publishing Solutions, Moscow, Russia, 110 p.

Esta G. Matveeva

*The Moscow School of Social and Economic Sciences,
Moscow, Russia, budurik@inbox.ru*

*For citation: Matveeva, E.G. (2019), "A review of: Shishelov, N. (2018), Fishing culture of atapask of the Arctic basin (18th – 21st c.)", Publishing Solutions, Moscow, Russia, 110 p.", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 2, no. 3, pp. 143–148. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-3-143-148*

С середины прошлого века среди исследователей промысловой культуры североамериканских индейцев ведется дискуссия о роли рыбалки и охоты в системе природопользования. Вывод этнологов, основным вектором исследований которых было изучение роли копытных в аборигенных сообществах, состоял в том,

© Матвеева Э.Г., 2019

что карибу – важнейший ресурс для охотников-рыболовов-собирателей Канадского Севера (с. 7). Никита Шишелов – автор книги «Рыболовная культура атапасков Арктического бассейна (XVIII–XXI вв.)», наряду с другими сторонниками альтернативной версии оспаривает второстепенность рыбного промысла, утверждая, что рыба – не замена продуктам охоты, а равноправный пищевой ресурс, который в зависимости от ситуации мог и преобладать над охотой: «Рыбу следует рассматривать не как второстепенный ресурс, заменяющий основной в периоды неудачных охот, а как по важности стоящий в одном ряду с мясом копытных и мелкой дичи. Преобладание того или иного ресурса изменялось от сезона к сезону» (с. 13).

Убеждение в преобладании охотничьего промысла приводило к меньшему интересу со стороны научного сообщества к рыболовной культуре атапасков. Однако, как показывает автор, был и ряд других причин, повлиявших на депопуляризацию данной темы в академической среде. Так, в 1920-х гг. на законодательном уровне правительством поддерживается и поощряется коммерческое промышленное рыболовство, в связи с чем традиционному рыбному промыслу перестает уделяться прежнее внимание. В этом контексте освещать вопросы первостепенной важности рыболовства в традиционной системе природопользования, как утверждает Шишелов, становится невыгодно (с. 7). Первые этнологические и археологические исследования, доказывающие, что рыба для индейцев все же являлась ресурсом первостепенного значения, появляются тогда, когда в 1970-х годах по причине ухудшения экологической ситуации в водоемах и в связи с ощутимым сокращением рыбных запасов значение промышленного рыболовства в канадской экономике снижается (с. 8). Сторонники альтернативной на тот момент версии включаются в дискуссию. Они начинают по-новому интерпретировать археологические данные. Например, небольшое количество рыбных останков на местах стоянок они объясняют не их отсутствием, а процессом утилизации, в то время как отсутствие на местах стоянок рыболовных артефактов (рыболовные крючки, остроги), на их взгляд, может свидетельствовать о преобладании сетевого и заборного промысла (с. 10).

Таким образом, тезис, на котором основывается автор книги, имеет давнюю историю, берущую начало в работах исследователей второй половины XX в. Безусловной ценностью данной работы является привлечение автором разнообразных и многочисленных источников, развивающих аргументацию. Среди них важное место занимают сведения первых путешественников. Из них мы, например, узнаем, что некоторые группы индейцев начинали охотиться только в те сезоны, в которые заканчивалась рыба (с. 14).

Любопытным источником становятся локальные названия месяцев на языках различных групп (у слэйв сентябрь и октябрь – «месяц рыбалки», у кэрьеров – около половины названий месяцев связаны с рыбой и рыбалкой) (с. 16). Обобщая весь материал, автор приходит к выводам, что значение рыбалки у атапасков северного бассейна было ниже лишь в горных районах и верховьях реки Пис, где преобладала мясная диета, а рыбалка являлась дополнительным сезонным ресурсом.

Дальнейшее изложение книги большей частью обращено к вопросам бытового характера: видам промысловых рыб и преобладающим методам лова в различные сезоны, снастям, рыбе как части рациона и др. Однако наибольший интерес для фольклористов представляют главы, посвященные рыбе в традиционной медицине, магических представлениях и мифологии. Следует заметить, что из них лишь две последние главы содержат достаточно информации и, следовательно, оснований для выделения их в отдельные разделы. Так, глава, посвященная традиционной медицине и месту в ней продуктов рыболовного промысла, ограничивается пространной цитатой из интервью, записанного в 2002 г. группой департамента дикой природы, подтверждающей использование индейцами чипейван желчного пузыря озерной форели в качестве лечебного средства от проблем сердца и глаз. Автор также упоминает лечебные свойства протухшей рыбы и некоторых других органов озерной форели, однако никаких иллюстративных материалов и ссылок, подтверждающих и разъясняющих этот факт, не приводит. В то же время источники, использованные в следующей главе, посвященной рыболовной магии атапасков, более обширны. На материалах, собранных многочисленными исследователями и путешественниками с XVIII по XX столетие, автор развивает тезис о том, что в аборигенный период рыбалка сопровождалась магическими действиями от этапа изготовления снастей до чистки улова (с. 75). Резюмируя изложенную в начале главы информацию, можно выделить следующие присущие атапаскам убеждения мифологического характера.

1. По наблюдениям автора, самой устойчивой оказалась широко распространенная идея о том, что в период менструации (и не только) женщинам строго запрещалось прикасаться к рыболовным снастям и приближаться к рыбным озерам (с. 75–76).

2. Другая группа мотивов связана с представлением об *инкозе*, или *инкон* – энергии, дающей человеку магическую силу и духовное знание. Помимо прочего, источником получения этой энергии могло стать какое-либо животное или рыба. С этим мотивом связаны истории о табу на ловлю определенной рыбы: наделяя человека магической силой, рыба накладывала на него запрет ловить

и употреблять в пищу себе подобных (щука – щук) (с. 78). Другие истории, напротив, сообщали о том, как человек, вступив в контакт с рыбой, узнавал о ее повадках и становился профессионалом в ее ловле (с. 79).

3. Способствовать успешной рыбной ловле могла также так называемая паучья магия («человек, чьим покровителем становился паук, помимо прочего обладал способностью успешно ловить рыбу сетями») или посещение в видении Йакети (Небесного озера) (давало шаманскую силу, в том числе можно было обрести сверхъестественную силу, помогающую в рыбной ловле) (с. 80).

Вторая часть главы посвящена видам обрядовых практик, связанных с рыбной ловлей. Автор делит их на три категории. Каждая отличается от другой центральным объектом, на который направлено магическое воздействие: рыбные снасти, духи водоема, рыбы. В первом случае целью ритуала было «наделение [снасти] магическими свойствами» с последующим закреплением этого свойства. Например, в качестве амулетов, подвешенных к крючку, использовали кусочки бобровых хвостов и жира, зубы и анусы выдры, призванные «зачаровать рыбу». К сети же подвешивали птичьи клювы, лапки, пальцы и челюсти выдры. Сети расставляли на значительном друг от друга расстоянии, объясняя это тем, что в противном случае «одна сеть будет завидовать соседней и, как следствие, ни одна из них не поймает ни одной рыбы» (с. 82). Во вторую категорию входят практики, зафиксированные двумя исследователями второй половины XX в.: подношения духам водоема или самому водоему перед рыбалкой. Автор отмечает отсутствие других свидетельств, однако полагает, что подобные практики существовали, так как аналогичные действия совершались атапасками перед началом охотничьего сезона (с. 83). Третья категория, выделенная автором, включает в себя варианты взаимодействия между человеком и рыбой до и после улова. Однако, как и в предыдущем случае, автор подчеркивает крайне небольшое количество свидетельств подобных практик, хоть и считает очевидным, что когда-то они совершались (с. 84).

Следующая глава посвящена рыбам в мифологии атапасков. Наряду с двумя предыдущими она, как представляется, призвана была проиллюстрировать тезис о ключевой роли рыбы и рыбного промысла не только с точки зрения ее утилитарной функции, но и как важной части племенного мировоззрения индейцев. Глава представляет собой пересказ основных сюжетов повествовательного фольклора атапасков, героями которых являются рыбы. Это космогонические мифы о возрождении мира после всемирного потопа и роли в этом процессе щуки и налима, этиологические мифы о добывании культурных благ человеком и рыбами, рыбы

являются персонажами и героических мифов, однако, в отличие от прочих, выступают в них в роли чудовищ, с которыми борется главный герой-демиург. Мотив рыбного промысла встречается в представлениях атапасков о Лэй-Нэн (том свете) и связанных с этим мифах: души мертвых занимаются рыбным промыслом и употребляют рыбу в пищу. Интересна приведенная сказка, которую рассказывают детям, когда те едят форель: в ней говорится о том, что когда-то форель была человеком, и все, что осталось в ней от тех дней, – кости в голове, представляющие собой человеческие инструменты или еду. Из наблюдений важным представляется внимание к особому положению определенных видов рыб в мифологии атапасков. Так, налим и щука – наиболее часто встречающиеся персонажи, в то время как форель, сиг, чукучан и другие важные промысловые рыбы встречаются значительно реже.

Интерес представляет обращение автора к современным материалам. Так, последняя глава книги рассказывает о трансформациях, которые произошли с традиционным промыслом в условиях постепенной индустриализации: появления магазинов, налаживания связей с городами – включении человека традиционного общества в современные экономические отношения. Конечно, наблюдения не представляются неожиданными: как и всюду, новый образ жизни влечет за собой смену методов рыбного промысла и частичную утрату знаний о водоемах и рыбах. Тем не менее рыбалка продолжает выполнять важную функцию в жизни атапасков. Однако, что характерно, произошедшие изменения влекут за собой разноеобразие этих функций. Так, рыбалка становится важной составляющей развивающегося местного этнотуризма (с. 93). С развитием коммерческой рыбалки промысел становится не только средством пропитания, но и важным финансовым ресурсом. Что любопытно, традиционные методы рыбной ловли практикуются лишь в некоторых случаях – при демонстрации старых техник подрастающему поколению. Интересным представляется привлечение материалов современных социальных сетей. Автор замечает, что среди фотографий, которые выкладывают атапаски, преобладают снимки в процессе разделки улова, нежели позирование с трофеями, характерное для европейских рыболовов. Из чего следует вывод: «Процесс перехода добычи в разряд пищи расценивается индейцами как более значимый, нежели сам момент овладения добычей» (с. 95).

Наряду с безусловными достоинствами книги хочется обратить внимание на ряд недостатков. Среди них слабая или вовсе отсутствующая аргументация некоторых утверждений автора. Так, в главе, посвященной рыболовной магии, описывается ритуал сожжения костей первой пойманной на новую снасть рыбы. Далее

следует объяснение этого ритуала: «Обрядовым смыслом этой практики, по-видимому, является проявление уважения и воздаяния почестей рыбе» (с. 84). Затем, развивая трактовку данного действия, автор пишет, что «сожжение костей и некоторых частей тела животного, безусловно, следует рассматривать как кремацию, но не как жертву огню и тем более не как утилизацию бытовых отходов» (с. 85). Здесь же дается описание того, как туземцы тщательно прячут кости налимов, чтобы собаки не могли добраться до них. В свою очередь такая практика трактуется автором как практика воздушного погребения животных и рыб (с. 85). Можно допустить, что как первое, так и второе утверждение автора вполне справедливы, однако, если опираться лишь на приведенные в главе сведения, они кажутся не до конца обоснованными.

Хочется также подчеркнуть немногочисленную информацию по сравнению с другими близкими атапаскам культурами. Очевидно, сравнение не входило в задачи, выдвинутые автором в данной монографии, однако без сведений об аналогиях специалисту остается лишь гадать о специфике данной традиции, ее уникальности по сравнению с другими культурами. Кроме того, поиски аналогий поставили бы в свою очередь новые вопросы о путях усвоения отдельных текстов и практик, связанных с рыболовным промыслом атапасков. До тех пор информация, изложенная в книге, представляет собой скорее замкнутое само в себе описание.

Между тем книга Никиты Шишелова представляет собой детальное и всестороннее описание рыбного промысла групп североамериканских индейцев. Обобщенные в ней материалы исследователей различных специальностей, торговцев, путешественников и прочих первопроходцев американского Севера охватывают максимально возможный период времени, что, безусловно, делает книгу уникальным источником по традиционному жизненному укладу атапасков Арктического бассейна.

Информация об авторе

Эста Г. Матвеева, Московская высшая школа социальных и экономических наук (Шанинка), Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Газетный пер., д. 3/5; budurik@inbox.ru

Information about the author

Esta G. Matveeva, The Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia; bld. 3/5, Gazetny Lane, Moscow, Russia, 125009; budurik@inbox.ru